

Нюрнбергский процесс и его приговор

Н. С. Лебедева*

Трагической, кровавой полосой на пути человечества к прогрессу легли нацистские злодеяния. Пуля и виселица, газы и бактерии, огонь и вода, голод и холод — все было приспособлено фашистами для истребления людей, для очищения оккупированных ими территорий от «балласта» — коренного населения. Смердный дым крематориев стлался над Европой, «отходы нового производства» — золотые коронки, кости, волосы — шли эшелонами в рейх как сырье для промышленности. Через концлагеря были пропущены более 18 млн европейцев, большинство из них погибли. Превращая оккупированные территории в выжженные земли, гитлеровские захватчики уничтожили около 10 млн мирных советских граждан и военнопленных. Нацистские преступления вызвали к жизни новые понятия — геноцид и холокост. Большая часть еврейского населения Европы — около 6 млн человек, — были уничтожены гитлеровцами. Народы и страны, объединившиеся в Антигитлеровскую коалицию, в результате величайших усилий и жертв, предотвратили воцарение над миром черной ночи фашистского варварства. Они выиграли битву с «коричневой империей», выиграли и битву за торжество международного правосудия. Не секрет, что в ряде стран издаются работы, в которых замалчивается решающий вклад россиян в разгром нацистского рейха, а дорога в Нюрнберг рисуется как чисто американский путь¹. Некоторые авторы идут еще дальше, утверждая, что СССР будто бы не внес позитивного вклада в подготовку

и проведение процесса. Он якобы тормозил их, выступая за массовые казни носителей германской государственности².

Известно между тем, что уже 22 июня 1941 г., в первый день Великой Отечественной войны, В. М. Молотов в выступлении по радио подчеркнул ответственность за развязывание агрессии «клики кровожадных фашистских правителей Германии». Именно Советский Союз первым выдвинул идею создания Международного военного трибунала. В ноте НКВД от 14 октября 1942 г. говорилось: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии»³.

Формально это заявление являлось ответом на обращение девяти правительств оккупированных европейских стран⁴. Фактически же оно было сделано вследствие кризиса в советско-английских отношениях. Враг рвался к Сталинграду. Обещанного Лондоном и Вашингтоном открытия второго фронта не предвиделось в обозримом будущем. 19 октября 1942 г. И. В. Сталин направил послу СССР в Великобритании И. М. Майскому телеграмму: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны. Без такого предположения

* Наталья Сергеевна Лебедева — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР [...], по вопросу о Гессе, которого Черчилль, по-видимому, держит про запас...»⁵. Статья аналогичного содержания, весьма резкая по тону, была опубликована в тот же день в «Правде». Министр иностранных дел Великобритании А. Иден заявил советскому послу, что читал ее с удивлением и «острым чувством неудовольствия»⁶.

В Лондоне получили памятную записку советского правительства от 3 ноября 1942 г., в ней вновь ставился вопрос о предании суду Международного трибунала главарей преступной гитлеровской клики⁷. В этой связи Иден телеграфировал британскому послу в Москве А. К. Керру: «Мы не думаем, что будет сочтено целесообразным привлечь к формальному суду главных преступников, таких, как Гитлер и Муссолини, поскольку их преступления и ответственность настолько велики, что они не подходят для рассмотрения путем юридической процедуры. По нашему мнению, вопрос об этих главных фигурах, к которым, несомненно, нужно причислить и Гесса, должен быть разрешен путем политического решения Объединенных Наций. При этой процедуре они могут быть наказаны столь же сурово и гораздо быстрее, чем при любой юридической процедуре»⁸.

В беседе со Сталиным 5 ноября и Молотовым 24 ноября Керр отстаивал позицию, сформулированную британским министром иностранных дел. Хотя советские лидеры были удовлетворены заверениями посла в отношении Гесса, тем не менее, они ни в коей мере не отказались от идеи, что гитлеровские главари, виновные в преступлениях, должны быть судимы международным трибуналом⁹.

Долгое время — вплоть до начала 1945 г. руководство США было согласно с Лондоном в том, что казнь нацистских лидеров должна быть осуществлена на основе политического решения. Об этом говорил, в частности, госсекретарь К. Хэлл А. Идену во время визита последнего в Вашингтон в марте 1943 года¹⁰.

12 октября 1943 г. У. Черчилль обратился к И. В. Сталину и президенту США Ф. Рузвельту с предложением опубликовать декларацию о возвращении гитлеровских военных преступников на места совершения ими злодеяний и о суде над ними по законам стран, ставших жертвами оккупантов. Однако в проекте британского премьера указывалось, что декларация

не относится к главным военным преступникам, чьи преступления не связаны с определенным географическим местом. Поэтому весьма важной была поправка, предложенная советской стороной 25 октября. Она предусматривала, что главные военные преступники «будут наказаны совместным решением правительств союзников»¹¹. Эта формулировка еще не предопределяла форму наказания — посредством суда, как предлагал СССР, или же в результате административного акта, к чему стремились правительства США и Великобритании. Но тем самым вопрос решался в принципе — фашистским главарям не уйти от расплаты.

Проблема наказания военных преступников обсуждалась и на Тегеранской конференции. Именно там произошел инцидент, до настоящего времени используемый многими западными историками как доказательство намерения Сталина расправиться со всеми нацистскими главарями без суда и следствия. Советский вождь поднял бокал за то, чтобы после войны были расстреляны не менее 50 тысяч гитлеровцев. Это вызвало резко негативную реакцию у Черчилля. Рузвельт же, поняв, что «дядюшка Джо» дразнит британского премьера, поддержал мрачную шутку и назвал «компромиссную цифру» — 49 500.

В сентябре 1944 г. в Квебеке вниманию президента США и премьер-министра Великобритании были предложены два варианта наказания гитлеровских главарей: американский — «план Моргентау» и английский — «меморандум Саймона». И в том, и в другом отстаивалась идея внесудебного решения этого вопроса. Черчилль и Рузвельт согласовали текст письма Сталину, предлагая составить список 50 или 100 лиц, чья ответственность за руководство или санкционирование преступлений общепризнана и установлена самим фактом занимаемых ими постов и коих офицер в ранге генерала после удостоверения их личности распорядится расстрелять в течение часа¹².

В октябре 1944 г. это письмо было взято У. Черчиллем в Москву. Однако глава советского правительства в беседе с британским премьером настаивал на наказании главных военных преступников в соответствии с решением суда. «Встретившись с такой точкой зрения по данному вопросу, — писал Черчилль Рузвельту, — я не стал настаивать на меморандуме, который я вручил Вам и который Вы обсудили с госдепартаментом. Будьте добры считать этот вопрос снятым с повестки дня»¹³. В Ялте премьер-министр

Великобритании продолжал отстаивать свою точку зрения, Сталин же по-прежнему считал: главные военные преступники должны предстать перед международным судом. Неопределенную позицию занял Рузвельт: согласившись судить гитлеровских главарей, он в то же время заявил, что «процедура суда не должна быть слишком юридической», и «при всех условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы»¹⁴.

Западные союзники СССР столь длительное время не шли навстречу советской идее организации международного процесса, поскольку помнили негативный опыт Первой мировой войны и опасались, что победителям не будет гарантирована необходимая юридическая основа для суда над германскими лидерами. Пугала и возможность ссылок подсудимых на далеко не безупречную предвоенную политику западных держав, их пособничество Германии в перевооружении, мюнхенские маневры и т.д. Опасались и того, что подсудимые могут взять на вооружение тезис: «А судьи кто?» В течение всей войны они пытались не допустить публичных дебатов о репрессиях сталинского режима против советских граждан, о катынском преступлении, массовых депортациях населения из присоединенных к СССР в 1939–1940 годах территориях, которые могли нанести ущерб союзническим отношениям.

Сталину же были чужды подобные сомнения. Он имел богатый опыт организации «показательных процессов» в своей стране, знал, как не допускать обсуждения щекотливых вопросов. В то же время Кремль не мог не считаться с советским общественным мнением, которое не удовлетворилось бы простым расстрелом гитлеровских главарей, поскольку военную победу необходимо было довершить политическим разгромом фашизма в открытом судебном процессе.

Необходимость проведения международного суда над гитлеровскими лидерами к концу войны осознали и некоторые ведущие политики США — военный министр Г. Стимсон, государственный секретарь Э. Стеттиниус, судья С. Розенман, генеральный прокурор страны Ф. Биддл. Они подготовили так называемый «ялтинский меморандум», который президент США одобрил лишь после возвращения из России — во второй половине февраля 1945 г.

Судья С. Розенман, уполномоченный Рузвельтом провести консультации с англичанами по этому вопросу, фактически вернулся из

Лондона ни с чем. 3 мая 1945 г. на совещании руководителей внешнеполитических ведомств СССР, США и Великобритании в Сан-Франциско¹⁵ Розенман вручил Молотову и Идену проект соглашения о создании Международного военного трибунала (МВТ). В нем предлагалось передать суду союзного военного трибунала главных преступников войны. В Трибунал должны были войти по одному представителю от каждой из держав, участвующих в Контрольном Совете по Германии. Одновременно создавался Следственный комитет, который был уполномочен собирать обвинительный материал, готовить обвинительное заключение и т.д.

В ходе обсуждения американского предложения А. Иден указал, что прежняя точка зрения британского правительства о нецелесообразности организации формальных судебных процессов в отношении главных преступников войны остается неизменной. «Однако, если США и СССР держатся другой точки зрения и считают целесообразным применение такого порядка ответственности, британское правительство готово с этим согласиться». Участники совещания решили предложить Франции принять участие в учреждении Международного военного трибунала.

СССР в целом положительно отнесся к предложениям, врученным В. М. Молотову 3 мая в Сан-Франциско. 7 июня нарком иностранных дел направил проект ответа на инициативу США И. В. Сталину и, получив его согласие, поручил советскому послу в США А. А. Громько передать его Госдепартаменту. В этом документе советское правительство выражало согласие на переговоры и на принятие американского проекта в качестве их основы¹⁶.

С 26 июня по 8 августа в Лондоне проходила конференция представителей СССР, США, Великобритании и Франции, выработавшая Соглашение и Устав МВТ. Советскую делегацию возглавлял заместитель председателя Верховного суда СССР И. Т. Никитченко. В работах западных авторов нередко встречаются утверждения, что в основу Устава МВТ легли лишь идеи американских юристов. Среди них — теория заговора и ответственности за развязывание агрессии. Не отрицая роли американских юристов — Р. Джексона, возглавлявшего делегацию США на Лондонской конференции, М. Бернса и У. Чэнлера, следует отметить и вклад российских ученых-криминалистов в разработку идей, легших в основу лондонских документов.

Так, еще в феврале 1943 г. Н. Н. Полянский представил в Чрезвычайную государственную комиссию по расследованию немецко-фашистских злодеяний (ЧГК) проект, предусматривавший предание гитлеровского руководства международному уголовному суду, наказание за посягательства на устои международного мира и раскрытие всех пружин заговора, приведшего к потрясению устоев цивилизации¹⁷.

Значительное влияние на подготовку Устава имели работы члена советской делегации на Лондонской конференции А. Н. Трайнина, и, прежде всего, изданная в 1944 г. его монография «Об уголовной ответственности гитлеровцев». Ее очень высоко оценивали американские работчики Устава МВТ. У. Чэнлер, в частности, писал, что СССР в течение последних 20 лет стоит во главе наций мира в их усилиях поставить войну вне закона, и приводил в качестве примера работы Трайнина¹⁸.

Английский историк Э. Ротштейн сообщил автору данной статьи любопытный факт: «В 1917 году, когда я учился в Оксфорде стипендиатом, еще за полгода до призыва на военную службу, у меня сложились приятельские отношения с Д. М. Файфом. Он консерватор, а я социал-демократ. Мы оба вернулись в 1919 г. в университет и пошли каждый своей дорогой [...] Так вот, когда готовился процесс [...], в июне 1945 г. он обратился ко мне с просьбой, не знаю ли я о каком-либо изложении на английском языке взглядов советских юристов-международников по вопросу о международных преступлениях, подсудности преступников или что-либо подобное. Как раз в это время я просматривал гранки моего перевода книги академика А. Н. Трайнина „Уголовная ответственность гитлеровцев“, которую собиралось издать британское издательство „Хатчисон“. Я послал ему гранки и получил от него письмо с горячим выражением благодарности: „Сам бог послал мне их в данных обстоятельствах“.

Он мне ранее объяснил, что у него и его коллег было самое смутное представление, как поступить. Американцы на них давят, а ведь у советских людей, которые пострадали во сто крат больше их, должны быть самые четкие мысли на эту тему»¹⁹. Именно Д. Максвелл-Файф являлся представителем Великобритании на переговорах в Лондоне, а затем он стал заместителем главного обвинителя от Великобритании на Нюрнбергском процессе.

В течение шести недель представители четырех стран решали в Лондоне сложные

проблемы, связанные с созданием МВТ. По инициативе советской делегации решили готовить два документа — собственно соглашение о создании МВТ и его Устав. Предложенный Никитченко 2 июля проект соглашения был взят за основу и вошел в окончательный текст. К 11 июля на основе американского и русского проектов Устава МВТ был составлен сводный текст. Спорные формулировки были взяты в скобки. Затем начался поиск взаимоприемлемых решений по еще не согласованным статьям. К 18 июля большинство из них были определены, но по ряду вопросов возникли серьезные трудности, едва не приведшие к срыву соглашения²⁰.

Нелегко было совместить две процессуальные системы права — континентальную, принятую в СССР и Франции, и англо-саксонскую. Острые дебаты разгорелись по вопросу о преступном характере агрессивной войны. Представитель Франции А. Гро не считал ее международным преступлением. Англичане же, соглашаясь с преступным характером агрессии в соответствии с нормами международного права, в то же время указывали, что за нее еще не предусмотрено уголовное наказание. Советские и американские делегаты доказывали, что отсутствие конкретных санкций ничего не меняет. Ведь за совершение остальных международных преступлений, таких, как нарушение законов и обычаев войны, также не установлены определенные наказания. Тем не менее, Женевская конвенция 1929 г. предусматривала в принципе их уголовную наказуемость.

Наибольшие сложности возникли при разработке определения понятия «международное преступление» (статья 6 Устава МВТ). 25 июля заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский представил В. М. Молотову записку, в которой подводились промежуточные итоги лондонских переговоров и указывалось, что для СССР неприемлемы два пункта статьи 6-й:

- «а) вторжение или угроза вторжения, или выступления в качестве зачинщика войны в других странах в нарушение договоров, соглашений или заверений между странами, или в нарушение международного права каким-либо другим путем»;
- б) участие в общем плане или мероприятии, направленном к установлению господства над другими нациями. Этот план или мероприятие включало, или предполагало, или в достаточной мере было рассчитано

на то, чтобы повлечь за собой использование незаконных средств для проведения его в жизнь»²¹.

Молотов, в свою очередь, информировал Сталина о проходящих переговорах и, приведя пункты, о которых писал ему Вышинский, уточнил: «Мы считаем, что эти крайне неопределенные формулировки дают возможность признать международным преступлением и военные мероприятия, проводимые в качестве обороны против агрессии. Как известно, в ходе последней войны наши и англо-американские войска вторглись в Германию, что, однако, ни с какой точки зрения нельзя рассматривать как международное преступление. Мы считали бы возможным принять указанные пункты лишь при условии, если бы в них было включено ясное указание на то, что речь идет о фашистской агрессии. Нашим представителям в Лондоне даны указания решительно возражать против указанных двух пунктов. Однако англичане и американцы настойчиво добиваются их сохранения, французы их в этом поддерживают»²².

Глава американской делегации Р. Джексон упорно настаивал на том, что определение преступных действий не должно зависеть от того, кто их совершил. Он даже выехал 26 июля в Потсдам и поставил перед государственным секретарем США Дж. Бирнсом вопрос о создании МВТ без участия СССР. Однако американское руководство не пошло на это. Ход Лондонской конференции обсуждался в Потсдаме «большой тройкой», которая в своем решении выразила надежду на скорое соглашение и назвала делом огромной важности скорейшее начало суда над гитлеровскими главарями. По инициативе главы Советского правительства в решении Потсдамской конференции было отмечено, что список обвиняемых будет опубликован до 1 сентября 1945 года²³.

2 августа участникам Лондонской встречи удалось найти взаимоприемлемую формулу ст. 6-й Устава, разбив ее на две фразы. В первой указывалось, что МВТ вправе судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран «оси», совершили следующие действия. Во второй — определялись, какие же действия являются преступными и влекут за собой индивидуальную ответственность. На последнем заседании удалось разрешить и вопрос о месте проведения процесса — им стал Нюрнберг; постоянным же местом пребывания МВТ — Берлин.

8 августа 1945 г. в торжественной обстановке произошло подписание Соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции. 19 правительств Объединенных Наций одобрили Устав и присоединились к Соглашению.

29 августа был опубликован первый список главных военных преступников, в который вошли имена 24 ведущих нацистских деятелей, промышленников, военных, дипломатов, идеологов — Геринга, Гесса, Риббентропа, Бормана, Кейтеля, Лея²⁴, Крупа, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Шахта, Функа, Денница, Рёдера, Шираха, Заукеля, Йодля, Папена, Зейс-Инкварта, Шпеера, Нейрата и Фриче. Кроме того, на основании рассмотрения дел подсудимых МВТ должен был рассмотреть вопрос о признании преступными следующих организаций: руководящий состав НСДАП; охранные отряды НСДАП (СС), включая службу безопасности (СД); государственную тайную полицию (гестапо); штурмовые отряды НСДАП (СА); Генеральный штаб и высшее командование германских вооруженных сил. Констатировать юридически преступный характер этих организаций было необходимо для того, чтобы обеспечить возможность национальным судам привлекать к ответственности за принадлежность к ним отдельных лиц.

5 сентября советское правительство и Политбюро ЦК ВКП (б) приняли идентичные решения о подготовке Нюрнбергского процесса²⁵. В качестве члена МВТ от Советского Союза назначался И. Т. Никитченко²⁶, главным обвинителем от СССР — прокурор Украины Р. А. Руденко. Создавалась и специальная правительственная «Комиссия по руководству подготовкой обвинительных материалов и работой советских представителей в Международном военном трибунале в Нюрнберге» во главе с А. Я. Вышинским. Ее членами стали прокурор СССР К. П. Горшенин, председатель Верховного суда СССР И. Т. Голяков, нарком госбезопасности В. Н. Меркулов, его заместитель Б. З. Кобулов²⁷. 6 сентября в нее был включен и глава армейской контрразведки «Смерш» В. С. Абакумов, 3 ноября — нарком юстиции Н. М. Рычков. Документы этой комиссии направлялись Сталину, Молотову, другим членам Политбюро.

Вышинский и члены его Комиссии готовили директивы для советской делегации в Нюрнберге, подбирали обвинителей, переводчиков, связистов, шифровальщиков и других работников

для отправки в Нюрнберг. Причем каждый из подлежащих отправке на процесс проходил проверку через аппарат Наркомата госбезопасности (НКГБ), после чего его кандидатура передавалась Комиссии по выездам за рубеж во главе с секретарем ЦК ВКП (б) Г. М. Маленковым.

Политбюро ЦК ВКП (б) приняло и ряд решений о направлении на процесс журналистов, писателей, кинооператоров и других представителей средств массовой информации, освещавших впоследствии ход Суда народов²⁸. Активно участвовало в подготовке процесса и Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), руководившее подбором журналистов, подготовкой документальных фильмов о нацистских злодеяниях, о разрушении городов, уничтожении памятников культуры и т.д. для показа их в Нюрнберге.

Все советские спецслужбы, а также Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию немецко-фашистских злодеяний, НКВД и другие организации принимали самое активное участие в сборе доказательств обвинения, подборе свидетелей и т.д. Кроме того, в Нюрнберг была направлена большая группа работников госбезопасности и «Смерша». Среди них: полковник М. Лихачев, расстрелянный вместе с В. С. Абакумовым в 1954 г. за фабрикацию дел с применением пыток; капитан П. И. Гришаев, руководивший впоследствии бригадой по делу Еврейского антифашистского комитета, Б. А. Соловов и др. Они следили за каждым шагом советских представителей, внося нервность в их работу. На заседании правительственной комиссии 16 ноября 1945 г. Б. З. Кобулов, в частности, заявил: «Наши люди, которые сейчас находятся в Нюрнберге, сообщают нам о поведении обвиняемых при допросах. В их ответах часто слышатся антисоветские выпады, а наш следователь товарищ Александров слабо парирует их»²⁹. Последний был вынужден оправдываться, указывая, что выпадов никаких не было, а на допросах всегда присутствовал заместитель Руденко Ю. В. Покровский. Г. Н. Александров просил пресечь различного рода кривотолки, «так как все это создает нервную обстановку и мешает дальнейшей работе»³⁰.

18 октября обвинительное заключение было вручено Международному военному трибуналу, каждому подсудимому и опубликовано одновременно в Лондоне, Москве, Вашингтоне и Париже. К началу октября главные обвинители согласовали между собой распределение ответственности за четыре раздела обвинительного заключе-

ния. Американцы отвечали за представление доказательств по общему плану или заговору, англичане — по преступлениям против мира, французы — по военным преступлениям и преступлениям против человечности, совершенным в западных странах, советские обвинители — по аналогичным преступлениям в оккупированных восточноевропейских странах и областях СССР. Однако в Москве такое разделение обязанностей было признано неудачным. Вышинский 1 ноября предписал Руденко договориться с его западными коллегами об оставлении за ним и обвинений по преступлениям против мира³¹.

Аппарат советского обвинения был построен по следующему принципу:

- главный обвинитель (Р. А. Руденко), его заместитель (Ю. В. Покровский), помощники (М. Ю. Рагинский, Л. Н. Смирнов, Л. Р. Шейнин, с середины декабря — Н. Д. Зоря);
- документальная часть (начальник Д. С. Карев);
- следственная часть (начальник Г. Н. Александров, его помощники С. Я. Розенблит, Н. А. Орлов, С. К. Пирадов);
- консультанты (А. Н. Трайнин, Б. С. Маньковский и др.);
- секретариат (В. Я. Коломацкий, с декабря — А. И. Полтораки);
- вспомогательные службы (бюро переводов, пресс-бюро, административно-хозяйственная служба и служба связи).

Обвинители от США, СССР, Великобритании и Франции проделали огромную работу по выявлению и систематизации доказательств³², проведению допросов подсудимых и свидетелей, представлению заключений по ходатайствам подсудимых и их защитников. Советские следователи тщательно готовились к проведению допросов, изучая сотни документов, составляя биографические справки и вопросники. Допросы стенографировались на русском и немецком языках, подписывались допрашиваемыми. В Москве были приняты меры к розыску свидетелей. 12 ноября ответственный секретарь ЧГК П. И. Богоявленский направил А. Я. Вышинскому список 59 свидетелей.

Чтобы не затягивать процесс, главные обвинители договорились, что число свидетелей будет сведено к минимуму. В то же время, по настоянию Руденко было решено не строить процесс исключительно на письменных доказательствах. Показания таких свидетелей, как И. А. Орбели о разрушениях в Ленинграде, проиорея Н. И. Ломакина о зверствах в Ленинград-

ской области, С. Ройзмана и С. Шмаглевской о чудовищных злодеяниях в концлагерях Треблинки и Освенциме, Ф. Паулюса о подготовке к нападению на СССР и др. произвели огромное впечатление. Всего обвинение вызвало 33 свидетеля, защита — 61.

Огромный объем работы выпал на долю переводчиков. Они переводили документы, предъявляемые советскими обвинителями в качестве доказательств, на немецкий, английский и французский языки, те материалы, которые представляли Трибуналу их коллеги, на русский, помогали советским делегатам общаться с участниками судебного разбирательства из других стран. После начала процесса им предстояло впервые в истории участвовать в синхронном переводе, требовавшем наивысшего профессионализма.

Советская сторона благожелательно отнеслась к предложению правительств Польши, Чехословакии и Югославии назначить по одному обвинителю от своих стран, которые бы выступали на процессе. Этот вопрос ставился Вышинским в беседах с британским послом А. К. Керром, Руденко — на заседаниях Комитета обвинителей³³. Однако обвинители от США и Великобритании встретили это предложение в штыки. Д. Максвелл-Файф заявил, что он консультировался со своим правительством, которое категорически возражает против участия поляков, чехов или югославов в качестве обвинителей и даже в роли работников аппарата³⁴. В результате они присутствовали на Нюрнбергском процессе лишь в роли наблюдателей. Польша, Чехословакия и Югославия передали Руденко большое число документов о преступлениях нацистов в этих странах.

Главные обвинители от США и Франции предлагали перенести на две недели открытие процесса с тем, чтобы можно было заменить разбитого параличом Густава Круппа его сыном Альфредом Круппом. Однако это предложение не было удовлетворено Трибуналом³⁵. Членам Московской комиссии по Нюрнбергскому процессу идея переноса процесса представилась заманчивой. Сталинское руководство, посчитав, что советское обвинение еще недостаточно хорошо подготовилось к процессу, в свою очередь, решило добиться его отсрочки на несколько недель. 16 ноября в ходе заседания правительственной Комиссии по Нюрнбергскому процессу Вышинский заявил: «До сих пор у Руденко нет плана проведения процесса. Руденко не готов

к проведению процесса. Вступительную речь, которую мы с вами выработали, я послал в ЦК... Сейчас мы стараемся отложить дело недели на две–три. Надо изучить материалы, надо выиграть время, подготовиться. К началу процесса нужно поехать кому-нибудь из Комиссии в качестве наблюдателя»³⁶.

Главный обвинитель от СССР был вызван в Москву и вынужден был сказатьсь больным³⁷. 19 ноября Вышинский направил Покровскому по ВЧ следующее указание: «Если на заседании обвинителей будет складываться мнение большинства о неотложении процесса, то Вы должны заявить, что Вами не получено полномочий участвовать в процессе в случае, если процесс начнется без главного обвинителя от СССР, и что Вы вынуждены будете довести до сведения советского правительства об отклонении предложения советского обвинения и создавшегося в силу этого положения... Наше предложение содержит в себе угрозу отказа от участия в процессе, но еще не является отказом. Таким образом, наше предложение является способом давления на других обвинителей для достижения цели. Этим должен руководствоваться тов. Никитченко на заседании Трибунала при обсуждении этого вопроса»³⁸.

Однако данный полуультиматум не подействовал: Покровскому объяснили, что Руденко будет выступать только через 3–4 недели. В последний момент Москва согласилась на участие советских обвинителей в открытии процесса, хотя и без Руденко. 19 ноября Вышинский сообщил об этом послам США и Великобритании в Москве; Покровский — своим коллегам в Нюрнберге. Заявление советских представителей в Международном военном трибунале о согласии начать процесс 20 ноября было воспринято представителями союзных стран с большим удовлетворением³⁹.

Учтя негативный опыт руководства советскими представителями из Москвы, Политбюро ЦК ВКП (б) 21 ноября решило создать еще одну Комиссию, теперь уже в Нюрнберге под председательством Вышинского. Его заместителем был прокурор СССР К. П. Горшенин, который в отсутствие Вышинского фактически руководил ее работой и почти ежедневно направлял в НКВД и Сталину в Сочи телеграммы с подробным изложением хода процесса. Членами Комиссии стали профессора А. Н. Трайнин, Б. С. Маньковский, член-корреспондент АН СССР М. С. Строгович, Л. Ф. Кузьмин. Политбюро вменяло

в обязанности членам Комиссии «обеспечить всю необходимую помощь и содействие т.т. Никитченко и Руденко в их работе во время судебного процесса», а также «своевременно информировать советское правительство о ходе судебного процесса», представлять на предварительное рассмотрение предложения, требующие указания «инстанции»⁴⁰.

В тот же день, 21 ноября, было принято еще одно секретное решение Политбюро. Оно предусматривало проведение в декабре–январе серии судебных процессов над нацистскими преступниками в Ленинграде, Смоленске, Великих Луках, Риге и др.⁴¹. К подсудимым должен был применяться Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., предусматривавший смертную казнь через повешение. Приговоры этих судов сталинское руководство намеревалось предъявить МВТ как бесспорное доказательство в соответствии со ст. 21 Устава.

Комиссия, заседавшая в Нюрнберге, рассматривала вопросы о вызове свидетелей, подбору письменных доказательств, решала организационные вопросы. Руденко было поручено договориться с Джексоном о том, чтобы документы, касающиеся СССР, не оглашались американскими обвинителями, а были предоставлены для использования в процессе главным обвинителем от СССР. Однако добиться этого не удалось⁴².

Руководство Комиссии требовало от Никитченко и Руденко просматривать в предварительном порядке все поступающие от других делегаций для предъявления суду документы и настаивать на том, чтобы они утверждались на Комитете обвинителей. «По каждому документу тт. Руденко и Никитченко обязаны давать заключение о его приемлемости или неприемлемости с точки зрения интересов СССР, в случае надобности не допускать передачи и оглашения на суде нежелательных документов», — говорилось в решении Комиссии от 26 ноября, проходившем под председательством прибывшего в Нюрнберг А. Я. Вышинского⁴³.

Нюрнбергский процесс, начавшийся 20 ноября 1945 г. и завершившийся 1 октября 1946 г., был гласным в самом широком смысле этого слова. В ходе его состоялось 403 открытых судебных заседания. В зал суда были выданы 60 тысяч пропусков, многие из них получили немцы. Радио, кино, печать позволили миллионам людей во всем мире следить за ходом процесса. Для этого представителям прессы была отведена большая часть мест в зале суда — 250 из 350.

Судебное разбирательство было построено по принципу состязательности, что означало предоставление защите и обвинению равных возможностей предъявлять доказательства, ходатайствовать о вызове свидетелей, производить перекрестные допросы, выступать с речами. В то время как МВТ заслушал 33 свидетеля обвинения, перед ним, кроме 19 подсудимых, дали свидетельские показания 61 свидетель защиты. Еще 143 свидетеля защиты дали показания путем предоставления письменных ответов на опросные листы. 101 свидетель защиты дал показания перед уполномоченными Трибунала по делу преступных организаций. Кроме того, были представлены 1809 письменных показаний других свидетелей. Были представлены и шесть отчетов, резюмирующих огромное число других письменных показаний — 38 тысяч по делу СС, 10 тысяч — по делу СА, семь тысяч — по делу СД, три тысячи — по делу Генерального штаба и ОКВ, две тысячи — по делу гестапо.

Открывая 20 ноября 1945 г. первое судебное заседание Международного военного трибунала, его председатель Джефффри Лоуренс указал: «Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре. По этой причине на всяком, кто принимает какое-либо участие в этом процессе, лежит огромная ответственность, и он должен честно и добросовестно выполнять свои обязанности». Лоуренс подчеркнул, что Трибунал «весьма удовлетворен мерами, предпринятыми главными обвинителями для того, чтобы защита получила доступ к многочисленным документам, на которых основывается обвинение, с целью предоставить обвиняемым полную возможность справедливой защиты»⁴⁴.

Адвокаты подсудимых в первый же день процесса попытались поставить под сомнение правомерность самого суда. Они утверждали, что предъявленные их подзащитным обвинения не значились ранее в международных актах и вменяются им в вину постфактумом на базе послевоенного Соглашения и Устава, разработанных победителями. Трибунал, рассмотрев протест защиты, отклонил его и решил продолжить рассмотрение дела.

После этого было зачитано обвинительное заключение и проведен опрос подсудимых, признают ли они себя виновными. Чаще всего следовали ответы: «Не признаю себя виновным

в том смысле, как мне предъявлено обвинение» (Геринг, Риббентроп, Розенберг, Ширах), или «не признаю себя виновным» (Кейтель, Франк, Функ, Редер и др.). Гесс же заявил, что признает себя виновным только «перед Богом»⁴⁵.

Затем с вступительными речами выступили главные обвинители от США, Великобритании, Франции и СССР. При этом главный обвинитель от США Р. Джексон сказал 21 ноября: «Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злы и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся». Джексон подчеркнул, что судебное разбирательство отражает стремление народов использовать право для того, чтобы противодействовать величайшей угрозе нашего времени — агрессивной войне.

На скамье подсудимых, заявил он, сидят морально сломленные люди, и их личная судьба не имеет большого значения для человечества. Но судебное разбирательство приобретает значение потому, что они представляют в своем лице злое силы, которые будут таиться в мире еще долго после того, как тела этих людей превратятся в прах. Они — живые символы расовой ненависти, террора и насилия, надменности и жестокости, национализма и милитаризма, интриг и провокаций, которые в течение одного поколения за другим повергали Европу в пучину войны. Любое проявление к ним милосердия будет означать победу и поощрение всего того зла, которое связано с их именами⁴⁶.

«Наши доказательства будут ужасающими, и вы скажете, что я лишил вас сна. Но именно эти действия заставили содрогнуться весь мир... — продолжал американский обвинитель. — Германия стала одним обширным застенком. Вопли ее жертв были слышны на весь мир и приводили в содрогание все цивилизованное человечество... Доказательства, представленные здесь, будут столь ошеломляющими, что я беру на себя смелость предугадать, что ни одно из сказанных мною слов не будет опровергнуто. Подсудимые будут отрицать только свою личную ответственность или то, что они знали об этих преступлениях», — подчеркнул Джексон.

Главный обвинитель от Великобритании Хартли Шоукросс выступил со своей вступительной речью 4 декабря, заявив: «Этот Трибунал, который, несмотря на то, что он создан державами-победительницами, будет действо-

вать с полной юридической объективностью, заложит краеугольный камень в разрешение вопросов современности и явится авторитетной и беспристрастной летописью, к которой будущие историки могут обращаться в поисках правды, а будущие политики — в поисках предупреждения»⁴⁷. Вслед за ним его помощники представили доказательства по второму разделу обвинения — преступления против мира.

Главный обвинитель от Франции Франсуа де Ментон произнес свою вступительную речь 17 января 1946 г. Обращаясь к судьям, он сказал: «Ваш приговор должен быть вписан в историю международного права как решающий документ по подготовке создания подлинного международного сотрудничества, исключающего обращения к войне на все времена [...] Этот приговор будет одним из краеугольных камней мирового порядка, к которому стремятся народы после перенесенных мучений». Де Ментон подробно остановился на расовой теории нацистов и теории жизненного пространства, проследил их истоки, проанализировал характер преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных в оккупированных Германией странах Западной Европы⁴⁸. Его помощники представили конкретные доказательства совершенных военных преступлений и преступлений против человечности на территории западных стран.

Завершал выступления Роман Руденко, главный обвинитель от СССР, народ которого испытал неисчислимые бедствия и тяготы, вызванные гитлеровской агрессией и оккупацией, и принес неимоверные жертвы на алтарь победы. Подготовка его вступительной речи уделяли особое внимание и московская, и нюрнбергская комиссии⁴⁹. Но и новый ее вариант вызвал серьезные нарекания со стороны сталинского руководства. Сочли, что в ней приводилось мало доказательств заблаговременной подготовки Германии к нападению на СССР. В связи с этим 6 января 1946 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о создании еще одной комиссии в составе А. А. Жданова, В. Н. Меркулова, К. П. Горшенина, И. Т. Голякова, В. С. Абакумова⁵⁰. Перед ней ставилась задача «раздобыть» через военнопленных румын и венгров доказательства заключения соглашений между их странами и Третьим рейхом относительно нападения на СССР задолго до июня 1941 г., а также уточнить показания немецкого генерала Э. Бушенгагена об аналогичных германо-финляндских договоренностях.

Вскоре в ЦК ВКП (б) был направлен существенно переработанный текст вступительной речи, которую Руденко произнес в зале суда 8 февраля. В ней он подчеркнул: «Впервые в истории человечества правосудие сталкивается с преступлениями такого масштаба, вызвавшими такие тяжелые последствия. Впервые перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений. Впервые, наконец, в лице подсудимых мы судим не только их самих, но и преступные учреждения и организации, ими созданные, человеконенавистнические теории и идеи, ими распространяемые в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечества[...] Во имя священной памяти миллионов невинных жертв фашистского террора, во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем мы предъявляем подсудимым полный и справедливый счет. Это — счет всего человечества, счет воли и совести свободолюбивых народов. Пусть же свершится правосудие!»⁵¹.

После речи Р. Руденко советские обвинители представили:

- доказательства гитлеровской агрессии против Советского Союза (Н. Д. Зоря);
- преступного обращения с военнопленными (Ю. В. Покровский);
- преступлений против мирного населения (Л. Н. Смирнов);
- разграбления государственной, общественной и частной собственности (Л. Р. Шейнин);
- разрушения и разграбления культурных ценностей, уничтожения городов и сел (М. Ю. Рагинский);
- угона населения в фашистское рабство (Н. Д. Зоря);
- преступления против человечности (Л. Н. Смирнов)⁵².

Среди представленных 500 доказательств были подлинные германские документы, приговоры военных трибуналов, более 60 сообщений ЧГК, доклады правительственных комиссий Польши, Чехословакии, Югославии, кино- и фотодокументы, вещественные доказательства по всем разделам обвинительного заключения.

В ходе непосредственной подготовки и проведения процесса удалось наладить плодотворное сотрудничество представителей четырех держав — судей и обвинителей, разных по своему мировоззрению и воспитанию, представлявших полярно противоположные системы права.

Этот успех объяснялся тем, что они решали общедемократические задачи борьбы с фашизмом и агрессией, борьбы за принципы гуманности в отношении между людьми, между народами и расами.

И обвинители от западных стран, и советские юристы проявляли заинтересованность в том, чтобы не допустить обсуждения на процессе вопросов, нежелательных с точки зрения стран-организаторов процесса. 9 ноября 1945 г., еще до начала процесса, Комитет обвинителей по инициативе Р. Джексона принял решение не допускать политических выпадов со стороны подсудимых и защиты в адрес стран-учредителей МВТ. Было также решено составить перечень вопросов, которые не должны были обсуждаться на процессе⁵³.

19 ноября Ю. В. Покровский радировал в Москву: «...Обвинители хотят энергично избегать скользких вопросов и не давать возможности подсудимым заниматься дискуссиями и вовлекать суд в дискуссии. В этой связи признали желательным до начала суда обменяться списком вопросов, которые не должны обсуждаться на суде, чтобы иметь возможность во время процесса отводить их немедленно... Розенберг потребовал вызвать свидетеля, чтобы доказать, что в Прибалтике при советской власти также были высылки, переселения и прочее. Комитет обвинителей отвел эту попытку, заявив, что не дело суда заниматься обсуждением политики других государств»⁵⁴.

Сообщение вызвало интерес в Москве. Под руководством приехавшего в Нюрнберг Вышинского вскоре был составлен перечень вопросов, не подлежащих обсуждению. Он был рассмотрен на заседании Комиссии и одобрен ею. Руденко должен был договориться с другими обвинителями «не касаться ряда вопросов, чтобы СССР, США, Англия, Франция и другие Объединенные Нации не стали предметом критики со стороны подсудимых»⁵⁵. Однако в то время список Комитету обвинителей передан не был.

Англичане же 1 декабря представили на рассмотрение своих коллег список вопросов, начинавшихся с Англо-бурской войны и кончавшихся периодом Второй мировой войны⁵⁶. 3 декабря Р. Джексон вновь предложил главным обвинителям занять единую позицию относительно вопросов, обсуждение которых следовало пресекать. Он подчеркнул, что важно иметь меморандумы всех главных обвинителей, чтобы затем сделать общее представление Трибуналу,

организовав с ним неофициальную встречу. Два дня спустя в Нюрнберге прошло очередное заседание Комиссии, поручившей Руденко, Никитченко и Л. Ф. Кузьмину составить проект меморандума о вопросах, подлежащих устранению⁵⁷.

Меморандум был подготовлен, но так и не передан в Комитет обвинителей⁵⁸. Вероятно, длительная утряска вопросов, отъезд Вышинского в Нью-Йорк на Генеральную Ассамблею ООН, острый конфликт между Молотовым и Сталиным не позволили решить этот вопрос оперативно. Резолюция Вышинского на одном из перечней вопросов, не подлежавших обсуждению на процессе, гласила: «Т. Горшенину. Если этот вопрос еще не отпал, то просил бы Вас закончить его, представив на ут[верждение] В. М. [Молотову], которому я этот вопрос докладывал в предварительном порядке. А. Выш[инский]. 20. 1» Вплоть до марта, пока шла обвинительная стадия процесса, в этом перечне не было острой потребности.

Однако первые же ходатайства защитников показали, что они намерены сорвать процесс выдвинутым встречным обвинениями против правительств стран-учредителей МВТ, и в первую очередь против СССР. 8 марта 1946 г. Джексон вновь обратился к Руденко и Ф. де Ментону, напомним им о решении от 9 ноября. «У меня есть основания полагать, — писал он, — что защита собирается нападать на советскую политику, называя ее агрессивной в отношении Финляндии, Польши, Балкан и государств Прибалтики; на политику Франции на Западе и на обращение с военнопленными; так же, как, очевидно, будет сделан ряд выпадов, на которые указывает сэр Дэвид (т.е. Д. Максуэл-Файф. — Н. Л.) в своем меморандуме»⁵⁹. Джексон указывал, что по ряду вопросов потребуются предварительное согласование с Госдепартаментом и военными властями, без чего американские обвинители не смогут поддержать своих советских и французских коллег.

11 марта Руденко в ответном письме Р. Джексону указал, что разделяет его точку зрения о том, что Комитету обвинителей, в соответствии со статьей 18 Устава МВТ, следует «солидарно принимать меры к решительному устранению всяких попыток со стороны обвиняемых и их защитников использовать настоящий судебный процесс для рассмотрения вопросов, не имеющих прямого отношения к делу». В приложении приводился перечень вопросов, которые должны были устраняться из обсуждения, а именно:

«1. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР; 2. Внешняя политика Советского Союза: а) советско-германский пакт о ненападении 1939 года и вопросы, имеющие к нему отношения (торговый договор, установление границ, переговоры и т.д.); б) посещение Риббентропом Москвы и переговоры в ноябре 1940 года в Берлине; в) Балканский вопрос; г) советско-польские отношения. 3. Советские Прибалтийские республики»⁶⁰.

Показательно, что ни одна из делегаций не воспользовалась возникавшими на процессе время от времени щекотливыми ситуациями, чтобы представить политику правительств союзных стран в неблагоприятном свете. Так было при обсуждении аншлюса Австрии, мюнхенских маневров, так было и в моменты, когда всплывал вопрос о советско-германских отношениях 1939–1941 годов⁶¹.

Лишь при обсуждении катынского преступления обвинители от западных стран не сочли для себя возможным поддержать советский демарш и воспрепятствовать вызову свидетелей защиты по этому вопросу⁶². В то же время они поддержали Руденко в том, чтобы суд согласился заслушать и свидетелей обвинения по этому вопросу.

Нюрнбергский процесс длился долгих 10 месяцев. Он проходил во время постепенного нарастания «холодной войны». Перемены в международном климате не остались незамеченными на скамье подсудимых. Некоторым из них казалось, что Трибунал вот-вот распадется, прекратит свою деятельность. Подсудимые и их защитники все чаще стали прибегать к различным ухищрениям и провокациям, надеясь создать трещину в отношениях между обвинителями и членами МВТ от разных стран, в которую бы «мог провалиться здесь весь Нюрнбергский процесс»⁶³.

Но вот прения сторон закончились. Заключительные речи обвинителей отличались все тем же единодушием, несмотря на усиление противоречий между недавними союзниками. Народы ждали от них сурового приговора в отношении главных нацистских преступников. Со всех концов земного шара в Нюрнберг шли письма с требованием сурово наказать гитлеровских главарей. Так, 5 февраля 1946 г. в адрес МВТ была направлена резолюция первого Конгресса бывших политзаключенных нацистских концлагерей, в котором приняли участие чудом выжившие граждане из 14 стран. От имени

миллионов жертв фашистских лагерей они требовали «смертной казни каждого из руководителей гитлеровской преступной шайки»⁶⁴.

31 августа состоялось заседание МВТ, на котором подсудимые выступили с последним словом. Затем судьи удалились для вынесения приговора. Члены МВТ и их заместители являлись выдающимися юристами. В то же время они представляли страны, правовые системы которых значительно отличались друг от друга. Как известно, на стадии разработки Устава достаточно остро дебатировался вопрос о преступном характере агрессивной войны⁶⁵. При обсуждении же приговора все члены Трибунала были единодушны в том, что «агрессивная война является преступлением с точки зрения международного права». В Приговоре этому вопросу уделено особое внимание⁶⁶.

Однако в ряде случаев взгляды членов Трибунала по концептуальным вопросам международного права разошлись. Остро обсуждались такие понятия, как «общий план или заговор», преступления против человечности, вопросы о признании преступными организациями гитлеровского правительства, Верховного командования и Генштаба. По-разному оценивали судьи и степень вины некоторых подсудимых. Об этом свидетельствуют неопубликованные записи закрытых заседаний МВТ, которые приватно вел член Трибунала от США Фрэнсис Биддл. Их ксерокопии были предоставлены автору данной статьи его наследницей во время конференции в Торонто в 1996 г. Важным источником являются и дневники и письма заместителя судьи от Великобритании Нормана Биркетта⁶⁷.

Хотя официально судьи и их заместители удалились на свои закрытые заседания для вынесения приговора лишь 1 сентября 1946 г., подготовительная работа по составлению приговора началась еще во второй половине июня 1946 г. К этому времени обвинители представили свои доказательства, и был проведен перекрестный допрос подсудимых. Характерно, что в обсуждении проекта приговора в равной мере принимали участие не только члены Трибунала, но и их заместители. Более того, проект приговора писал именно заместитель члена МВТ от Великобритании Норманн Биркетт, учитывавший предложения и замечания остальных судей.

На первом совещании, проходившем 27 июня 1946 г., советский судья Иона Тимофеевич Никитченко в целом одобрил структуру и форму проекта приговора, представленного

Биркеттом. В то же время он внес существенные поправки, многие из которых были учтены при доработке текста этого документа. Член МВТ от СССР полагал, что приговор должен быть более аргументированным, ясным и сжатым; в нем не обязательно излагать историю заключения Соглашения и разработки Устава Трибунала, приводить полный текст его статей, пересказывать Обвинительное заключение. В то же время он предлагал расширить раздел о расистских теориях нацистов, об агрессивных идеях «Майн кампф», о планах захвата Европы и особенно ее восточной части. Никитченко, в частности, считал, что подготовке агрессии против СССР уделено недостаточно внимания, предлагал сказать об участии Геринга в организации поджога рейхстага и о последующих репрессиях против левых сил в рейхе⁶⁸.

Председатель МВТ Джеффри Лоуренс считал необходимым осветить нормы международного права, на которых будет основан приговор, установить время, когда состоялся заговор, уделить особое внимание проблеме агрессивной войны и кратко сказать об ответственности за ее развязывание каждого из подсудимых. Он полагал, что было бы целесообразно зафиксировать в качестве времени оформления заговора дату 5 ноября 1937 года⁶⁹.

Французский судья Анри Доннедьё де Вабр считал необходимым в первую очередь обсудить вопросы международного права. Он утверждал, что понятие заговора неизвестно международному праву и, следовательно, является нормой «ex post facto». Де Вабр назвал эту теорию опасной и к тому же бесполезной, ведь были совершены многочисленные преступления и нет нужды искать для них некий объединяющий заговор. Какое значение, например, имел заговор для военных преступлений или преступлений против человечности? — спрашивал он. Француз утверждал, что теория заговора представляет и психологические трудности, поскольку-де гитлеровские преступления уходят своими корнями в историю германского народа. Они, по его мнению, были не результатом заговора, но лишь претворением в жизнь воли Гитлера. Де Вабр полагал, что не следует подтверждать в приговоре существование заговора. При обсуждении индивидуальной ответственности подсудимых он, как правило, отвергал их вину по первому разделу обвинительного заключения. Вскоре французский судья представил специальный меморандум по этому вопросу⁷⁰.

Заместитель члена МВТ от Франции Робер Фалько предлагал отклонить раздел первый обвинительного заключения под предлогом, что он не доказан. «Является ли это новым принципом в международном праве? Он думает, что нет. Если мы согласимся с тем, что война является преступлением, глава государства не может вести войну в одиночку», — указал Фалько. В то же время он полагал, что общий план едва ли применим к военным преступлениям и преступлениям против человечности. Де Вабр счел предложение своего заместителя неудачным, поскольку в этом случае признавалось правомочным одно и неправомочным другое, то есть «общий план» приобретал свойства хамелеона. Имелся план с участием Гитлера и его генералами по ведению агрессивных войн, существовал и план уничтожения евреев. Невозможно провести принципиальное различие между отдельными заговорами, связанными с действиями гитлеровцев, считал Де Вабр.

И. Т. Никитченко и его заместитель Александр Федорович Волчков выступили решительно против точки зрения де Вабра о неправомочности обвинения в заговоре. Они настаивали на том, что общий план существовал, и его целью являлось установление нацистского господства в мире. Член МВТ от СССР и его заместитель были убеждены, что общий план или заговор относился не только к преступлениям против мира, но и военным преступлениям и преступлениям против человечности⁷¹. При этом они исходили из определения преступлений, подлежащих юрисдикции МВТ, данного в статье 6-й Устава. После перечисления преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности в ней подчеркивалось: «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана»⁷². Никитченко высказался против того, что общий план или заговор является нормой «ex post facto». Он обратил внимание своих коллег на то, что в Уставе МВТ много нововведений. В нем, например, предусмотрена уголовная ответственность за действия, которые и раньше признавались преступными, но вопрос об их уголовной наказуемости еще не был решен.

Советских судей поддержали их английские коллеги — Джеффри Лоуренс и Норман

Биркетт⁷³. Последний, в частности, полагал, что всех подсудимых надо связать вместе, указав, что они действовали во имя общей цели — установления мирового господства. Он подчеркивал, что именно первый раздел — «Общий план или заговор» — является основой всего обвинительного заключения. Если это обвинение будет отвергнуто Трибуналом, процесс утратит свой смысл. И англичанин был прав: в этом случае суд в Нюрнберге вылился бы лишь в разбирательство дел 22 отдельных лиц и не приобрел бы того морально-политического звучания, которого от него ждали народы.

Член МВТ от США Биддл скорее был солидарен с французами. Он считал, что не существовало общего плана, но имелась лишь серия отдельных планов. Тем не менее, член МВТ от США предлагал не отвергать обвинения по первому разделу, а рассматривать их вместе со вторым разделом⁷⁴. Следует заметить, что теория заговора была инициирована в качестве одной из центральных идей именно американскими юристами. Отвечал за представление доказательств по этому разделу главный обвинитель от США Роберт Джексон.

В конце концов, по данной проблеме был достигнут компромисс. Обвинения по первому и второму разделу в Приговоре объединили в одно как «Общий план или заговор и агрессивные войны»⁷⁵. Судьи сочли, что началом заговора следует считать не 1919 г., как это определено в обвинительном заключении, а 1937 год. При этом члены МВТ исходили из того, что заговор должен иметь точно определенную преступную цель и решение о нем не должно быть слишком удалено по времени от действия. В приговоре констатировалось, что война являлась неотъемлемой частью нацистской политики. «Но доказательств с несомненностью устанавливают существование многих отдельных планов скорее, чем единого заговора, охватывающего все эти планы». И тем не менее, вывод приговора звучал однозначно: «Непрекращающееся планирование, имевшее своей целью агрессивную войну, доказано вне всякого сомнения»⁷⁶.

К сожалению, Трибунал отказался поддерживать обвинение в отношении наличия общего плана или заговора применительно к военным преступлениям и преступлениям против человечности⁷⁷. В то же время в приговоре нередко констатировалось, что и военные преступления и преступления против человечности являлись неотъемлемой чертой общего нацистского плана.

Так, в конце подраздела «Агрессивная война против Союза Советских Социалистических Республик» подчеркивалось: «Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня... Это была явная агрессия».

В подразделе «Убийство гражданского населения и жестокое обращение с ним» указывалось: «Из представленных доказательств явствует, что, во всяком случае, на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами...». В подразделе приговора «Преследование евреев» указывалось: «Летом 1941 года, однако, начали разрабатываться планы „окончательного решения“ еврейского вопроса в Европе. Это „окончательное решение“ означало уничтожение всех евреев, которое, согласно угрозам Гитлера в начале 1939 года, должно было явиться одним из следствий разразившейся войны»⁷⁸.

Обвинения по III и IV разделам обвинительного заключения, т.е. преступления военные и преступления против человечности, Трибунал решил рассматривать вместе. Действительно, состав преступных действий, указанные в этих разделах, во многом совпадают — убийства, истязания, порабощение, угон населения. Что же заставило разработчиков Устава наряду с военными преступлениями выделить и преступления против человечности? Законы и обычаи войны распространялись лишь на те преступления, которые совершались в условиях войны и оккупации. Однако подготовка войны требовала полного «умиротворения» в своей стране, что повлекло за собой жестокое уничтожение любой оппозиции нацистскому курсу.

Преступления, совершенные нацистами до 1 сентября 1939 г., таким образом, не подпадали под военные преступления и должны были войти в разряд преступлений против человечности. И что самое важное, к преступлениям против человечности, были отнесены злодеяния, нацеленные на физическое и нравственное уничтожение целых народов. Они включали преследования

по политическим, расовым и религиозным мотивам. И хотя на практике Трибунал столкнулся с трудностями в уголовно-правовой квалификации этого вида преступлений, выделение в Уставе и приговоре особого вида преступлений против человечности имело огромное значение. Это понятие легло в основу принятой в декабре 1948 г. конвенции ООН по борьбе с геноцидом⁷⁹.

Не простым оказалось и решение вопроса о виновности каждого из подсудимых и определения им наказания. К его рассмотрению приступили 2 сентября. Прежде всего, решался вопрос о доказанности обвинений по четырем разделам обвинительного заключения, затем — о мере наказания. Процедура голосования при определении виновности и невиновности подсудимых носила двоякий характер. В предварительном обсуждении участвовали и члены Трибунала, и их заместители. Однако при окончательном вынесении приговора в расчет принимались лишь голоса членов МВТ. Никитченко ратовал за то, что будет достаточно, если за осуждение проголосуют два члена Трибунала. Однако большинство решило, что для этого необходимы голоса трех его членов. Тогда советский судья предложил, что и для оправдания требуется голоса трех судей, поскольку разделение поровну голосов создает неопределенную картину⁸⁰. Однако это предложение было отклонено. В результате принятая процедура голосования позволила оправдать трех обвиняемых. Ведь, по мнению французских и советских судей, всех подсудимых следовало признать виновными.

Все члены МВТ и их заместители высказались за смертную казнь для Германа Геринга, Иоахима фон Риббентропа, Вильгельма Кейтеля, Эрнста Кальтенбруннера, Юлиуса Штрейхера, Фрица Заукеля, Артура Зейс-Инкварта, Мартина Бормана. Французские судьи, правда, предлагали военных расстреливать, а не вешать. Однако в этом вопросе Суд поддержал позицию Никитченко, согласованную с Москвой, о повешении приговоренных к смерти, поскольку расстрел рассматривался как почетная казнь.

За пожизненное заключение, а не смертную казнь, для Розенберга, Франка, Фрика и Иодля высказался де Вабр, аналогично в отношении Фрика и Розенберга проголосовал заместитель члена МВТ от США Джон Дж. Паркер. Тем не менее, голосами трех членов Трибунала все эти лица также были приговорены к смертной казни.

Особенно сложно решалась судьба Рудольфа Гесса. У судей возникло сомнение в его

вменяемости, несмотря на заключение медэкспертов и собственное заявление Гесса. Будучи заместителем Гитлера по нацистской партии, он помог «фюреру» разработать его философскую концепцию, был его соавтором теории жизненного пространства, одним из разработчиков пресловутых «нюрнбергских законов». Однако, по мнению западных судей, Гесс в мае 1941 г. предпринял полет в Шотландию и провел в заключении в Великобритании большую часть времени в годы Второй мировой войны. Для члена МВТ от США Фрэнсиса Биддла ключевым был вопрос о том, почему Гесс предпринял свою миссию. Если Гесс действовал из-за искреннего стремления к миру, то это могло быть, по мнению американского судьи, рассмотрено как смягчающее вину обстоятельство. Если же он хотел воспрепятствовать поддержке Великобританией России в войне ее с Германией, то он сыграл свою роль в заговоре с целью развязывания агрессии. При первом рассмотрении вопроса все члены Трибунала и их заместители согласились с тем, что Гесс виновен по разделам I и II обвинительного заключения, советские же судьи настаивали на его виновности по всем разделам обвинительного заключения. При повторном обсуждении к ним присоединился и Р. Фалько. Однако если советские судьи считали, что Гесс заслуживал смертной казни, Фалько, а также Биддл, Паркер и Лоуренс высказались за его пожизненное заключение, де Вабр — за 20-летнее заключение.

Достаточно много внимания было уделено вопросу о виновности или невиновности Шахта, Папена и Фриче. Предложение об оправдании Шахта было внесено Лоуренсом 6 сентября 1946 г. и вызвало возражения со стороны советских и французских судей. Де Вабр, правда, высказывался за более мягкий приговор для таких лиц, как Шахт и Папен. Он напомнил о роли Шахта в подготовке агрессивной войны, о его тесных связях с Гитлером. Биркетт же считал, что Шахт может быть осужден только по II разделу обвинительного заключения, но все же сомневался, было ли осуществлявшееся им перевооружение Германии нацелено на агрессивную войну, и склонялся к его оправданию. Паркер полагал, что Шахт был настроен против войны и, следовательно, должен быть оправдан. Его осуждение лишь дискредитирует Трибунал, полагал он. Советские судьи считали, что Шахт виновен по I и II разделам обвинительного заключения и должен быть осужден.

В отношении Франца Папена французы высказались за его виновность по II разделу, в частности, в связи с активным участием в аншлюсе Австрии. Именно он помог прийти к власти Гитлеру, пользуясь своими связями с президентом Германии П. Гинденбургом. Папен до конца остался верен нацистскому режиму, в то время как Шахт принял участие в заговоре против Гитлера. Американские же судьи высказались за его оправдание, поскольку он якобы исполнял свой долг и в Австрии, и в Турции. По их мнению, аншлюс был осуществлен мирным путем, поэтому за него нельзя привлекать к уголовной ответственности. Лоуренс же посчитал, что аншлюс был стратегически связан с агрессивной войной, тем не менее, он указал, что к моменту его осуществления Папен уже был в отставке и высказался за его оправдание. Никитченко и Волчков настаивали на признании Папена виновным по всем разделам Обвинительного заключения.

Что касается Ганса Фриче, французские и советские судьи считали, что пропаганда имела огромное значение в гитлеровской Германии, и Фриче, как один из ее руководителей, своими действиями подстрекал к совершению массовых злодеяний. Другие же члены МВТ полагали, что он был мелкой сошкой и оказался на скамье подсудимых лишь потому, что Йозефа Геббельса уже не было в живых. К тому же в их странах декларировалась свобода любой пропаганды, и они опасались, что осуждение Фриче там будет встречено негативно. Биддл и Паркер высказались и за оправдание Деница, но здесь их не поддержал никто из членов Трибунала.

Советские судьи настаивали на повешении большинства подсудимых, но отнюдь не всех, вопреки утверждениям многих зарубежных авторов. Применительно к Деницу, Папену и Фриче Никитченко и Волчков предлагали тюремное заключение сроком на 10 лет, а к Шахту и Функу — пожизненное заключение.

Однако 17 сентября 1946 г. генеральный прокурор СССР К. П. Горшенин и заместитель министра иностранных дел В. Г. Деканозов, получив одобрение Сталина, Молотова и Вышинского, направили Никитченко директиву о мерах наказания главных немецких военных преступников. В отношении тех, кому большинством голосов предусматривалась смертная казнь, серьезных возражений в директиве не высказывалось⁸¹. В отношении Гесса, Функа, Шпеера, Шираха, Деница, Рёдера, Фриче, Папена и Шахта

предписывалось настаивать на смертной казни. В отношении Фриче при этом делалась оговорка: «Если же не удастся отстоять нашу точку зрения — можно согласиться на пожизненное заключение». В то же время в директиве подчеркивалось «Шахт: ни в коем случае не соглашаться с судьями. Надо буквально ультимативно требовать полного обвинения Шахта и применения смертной казни»⁸².

В отношении преступных организаций предлагалось категорически настаивать на объявлении преступными также имперского правительства, Генштаба и ОКВ.

Никитченко рекомендовалось добиваться принятия этих указаний различными способами, перетягивая на свою сторону колеблющихся членов суда и убедительно разбивая мнения несогласных с советской точкой зрения. Лоуренсу, как председателю суда, следовало систематически втолковывать, что он должен поддержать представителей СССР в МВТ, ибо советский народ, как и другие народы, не поймет мягкосердечие судей к подсудимым. В заключение директивы указывалось: «Если с нашими предложениями, несмотря на все усилия, не будут соглашаться, надо твердо дать понять, что такого приговора мы не подпишем, и вся ответственность за это ляжет на партнеров. Если же такая постановка вопроса не даст результата, Вы должны представить в письменной форме свое особое мнение и потребовать, чтобы оно было приложено к приговору»⁸³.

По всей видимости, впоследствии советская позиция несколько смягчилась. Как известно, особое мнение, согласованное с Москвой, было объявлено в отношении не применения смертной казни к Гессу, оправдания Шахта, Папена и Фриче и не признания имперского правительства, верховного командования и Генштаба вермахта преступными организациями⁸⁴.

1 октября 1946 г. Международный военный трибунал вынес свой исторический приговор. Он осудил к смертной казни через повешение Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Йодля, Зейсс-Инкварта и Бормана (последнего заочно); Гесса, Редера и Функа — к пожизненному заключению; Шираха и Шпеера — к 20 годам; Нейрата — к 15 годам и Денница — к 10 годам тюремного заключения. Подсудимые Шахт, Папен и Фриче были оправданы.

Трибунал признал преступными организациями руководящий состав национал-социалистической партии, СС, СД и гестапо.

По указанию из Москвы политсоветник Советской военной администрации в Германии (СВАГ) В. С. Семенов в тот же день провел совещание с руководящими германскими деятелями в советской зоне — О. Гротеволем, В. Ульбрихтом и М. Фехнером, дав им указания относительно пропагандистской работы в связи с приговором Нюрнбергского трибунала. Им предлагалось провести по всей советской зоне и в Берлине «массовую кампанию протестов против освобождения трех преступников». В ходе кампании следовало продемонстрировать поддержку «германским народом» требований советских судей, выраженных в особом мнении И. Т. Никитченко. В тот же день в Берлине были проведены митинги, одобрявшие ту часть приговора, в которой выносилось решение о смертной казни 12 главных военных преступников, и протестовавшие против оправдания трех подсудимых. Газеты, выходившие в советском секторе Берлина, 2 октября опубликовали передовые статьи и заявления просоветских германских деятелей, в которых выражалось недовольство мягкостью приговора в отношении тех, кто не был приговорен к смерти, и предлагалось судить их немецким судом. В этот же день были инспирированы митинги во всех провинциях советской зоны оккупации. В западных секторах Берлина, по сообщению Семенова, в газетах также публиковались сообщения о недовольстве оправданием трех обвиняемых со стороны немецкого населения и протестов лидеров партий антифашистского блока, включая заявление К. Шумахера, против оправдания Шахта, Папена и Фриче. В то же время газеты в этих секторах публиковали и интервью с теми, кто был освобожден в зале нюрнбергского Дворца юстиции⁸⁵.

Приговор МВТ, оглашенный 30 сентября — 1 октября 1946 г., не полностью удовлетворил Кремль, но общие итоги процесса в СССР оценивались высоко. 2 октября в «Правде» была опубликована статья, в которой констатировалось: «Нельзя не подчеркнуть, что вынесенный в Нюрнберге приговор над гитлеровскими душегубами будет оценен всеми честными людьми во всем мире положительно, ибо он справедливо и заслуженно покарал тягчайших преступников против мира и блага народов. Закончился суд истории. Впервые справедливая кара опустилась на головы организаторов и руководителей, поджигателей и исполнителей преступных планов агрессивной войны»⁸⁶.

16 октября 1946 г. приговор Международного военного трибунала в отношении повешения Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Кальтенбруннера, Фрика, Франка, Штрейхера, Иодля, Заукеля и Зейсс-Инкварта был приведен в исполнение в здании Нюрнбергской тюрьмы. Геринг за два с половиной часа до казни покончил жизнь самоубийством, приняв цианистый калий.

По окончании Суда народов Советский Союз выступил с инициативой проведения еще одного международного процесса — над германскими промышленниками. Франция эту идею поддержала, однако Великобритании и США, в ходе Нюрнбергского процесса сами поднимавшие вопрос об этом, наотрез отказались.

17 июня 1946 г. генерал Телфорд Тейлор, на которого была возложена задача организации последующих процессов над главными военными преступниками, запросил у Госдепартамента инструкции по проведению дальнейших судебных разбирательств. В своем ответе генералу государственный секретарь США Дж. Бирнс писал: «Соединенные Штаты не могут официально предстать в роли государства, не желающего организации следующего процесса [...]. Но если план реализации второго процесса провалится, то ли вследствие несогласия между остальными тремя правительствами, то ли вследствие того, что одно или более из трех правительств не согласится на условия и требования, которые необходимы с точки зрения интересов США, то тем лучше»⁸⁷.

В докладе Р. Джексона, направленного Г. Трумэна 7 октября 1946 г., также указывалось: «У США нет ни моральных, ни юридических обязательств предпринимать другой процесс такого рода». Он, в частности, был против организации процесса именно против промышленников, указав в письме к президенту США: «Особый процесс над промышленниками создаст впечатление, будто они преследуются лишь потому, что они промышленники. Это тем вероятнее, что, преследуя их, мы оказались бы в союзе с советскими коммунистами и французскими левыми»⁸⁸.

Впоследствии, в условиях все набирающей обороты «холодной войны», США провели единолично 12 процессов в Нюрнберге, один из которых был над германскими промышленниками. Было бы наивно полагать, что даже таким юридическим актом огромной важности, как приговор Международного военного трибунала,

можно предотвратить новые войны, изжить человеческие пороки. Тем не менее, провозглашенные в нем нормы и принципы и сегодня служат делу борьбы с фашизмом, агрессией, национальной нетерпимостью и терроризмом, торжеству международного права и права человека на свободу и безопасность.

В своем приговоре Международный военный трибунал показал безосновательность попыток защиты подсудимых оспорить тот факт, что развитие международного права в период между двумя мировыми войнами привело к созданию нормы, ставящей агрессию вне закона. «Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но [...] является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле сам является вкладом в международное право», — констатировали члены МВТ. По мнению трибунала, — говорится в приговоре, — торжественный отказ от войны как инструмента национальной политики с необходимостью предполагает, что такая война является незаконной в соответствии с международным правом и что те, кто планирует такую войну с ее неизбежными и ужасными последствиями, действуя таким образом, совершают преступление». МВТ дал ответ и на аргументы защиты обвиняемых, что если даже признать, что развязывание несправедливой войны является незаконным актом, то, во всяком случае, оно не является преступным. Однако Суд народов в своем приговоре указал, что когда речь идет о таком нарушении международного права, в результате которого развязывается война со страшными жертвами и страданиями целых народов, то для юридической ее квалификации нет и не может быть различия между понятием незаконности и преступности. Они сливаются и становятся синонимами. Поэтому Международный трибунал подчеркнул: «Обращение к войне является не только незаконным, но и преступным». Ее (войны) «последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных»⁸⁹.

В приговоре были опровергнуты и доводы защитников, связанные с доктриной суверенитета. Адвокаты подсудимых утверждали, что международное право рассматривает лишь действия государств, но не устанавливает наказание для физических лиц. По их мнению, за действия, совершенные от имени государств, политики и высшие чины не несут личной ответственности и находятся под защитой доктрины о суверенности государства. Трибунал в связи с этим напомнил в приговоре, что Германия, подписав Версальский договор, признала право союзных держав «привлекать к суду международных трибуналов лиц, обвиняемых в том, что они совершали действия в нарушении законов и обычаев войны» (ст. 228 договора)⁹⁰.

Действия в соответствии с приказом начальника и тем более главы государства или правительственного ведомства также, по мнению защиты, не являлись наказуемыми. В результате получался замкнутый круг — члены правительства и верховного командования действовали от лица государства, а остальные исполняли их приказы, следовательно, по версии адвокатов, ни те, ни другие не несли уголовной ответственности. Поэтому чрезвычайно важным было следующее положение приговора: «Уже давно было

признано, что международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства [...]. Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права [...]. Тот, кто нарушает законы ведения войны, не может остаться безнаказанным на основании того, что он действует в соответствии с распоряжениями государства, если государство[...] выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву»⁹¹.

Итак, Нюрнбергский процесс — важная веха в истории мировой цивилизации. Суд народов довершил военное сокрушение фашистского рейха его морально-политическим разгромом. Устав и приговор Международного военного трибунала (МВТ) внесли неоценимый вклад в развитие права. Нюрнбергские нормы — и юридические и моральные — прочно вошли в общественное сознание. Процесс и завершивший его приговор явились адекватным ответом на беспрецедентные в истории преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

¹ См.: Smith V. F. The American Road to Nuremberg: The Documentary Record. 1944–1945. Stanford (Cal.), 1982.

² Heydecker J., Leeb J. Der Nurnberger Prozess. Keln, 1979. S. 74; idem. The Nuremberg Trial. New York, 1962. P. 72.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1944. С. 277.

⁴ 23 июля 1942 г. правительства Бельгии, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, Чехословакии, Югославии и Национальный Комитет Свободной Франции направили СССР коллективную ноту, в которой выражалось пожелание, чтобы со стороны Советского Союза также было сделано предупреждение об ответственности за злодеяния, совершаемые гитлеровцами. (Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1985. С. 105–108).

⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. М., 1983. С. 294.

⁶ Library of Birmingham's University Avon Papers AP 20/9/57.

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 137. Л. 9–12.

⁸ Там же. Л. 18.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 558. Оп. 11. Д. 284. Л. 13–21; СССР и германский вопрос 1941–1948. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 3-х т. Т. 1. М., 1998. С. 176–186. Во время разговора с Молотовым А. К. Керр сообщил, что и правительство США, и правительство Великобритании выступают против организации суда над преступниками войны. Британское правительство изучает вопрос о том, чтобы предложить Объединенным Нациям решить судьбу главных военных преступников не судом, а политическим решением, принятым совместно. Однако Молотов подчеркнул, что, по мнению советского правительства, решение этого вопроса следовало поручить международному трибуналу. «Это было бы максимально объективным и беспристрастным способом решения вопроса об участии главных преступников войны в глазах всех народов. Другой более подходящей формы для решения этого вопроса советскому правительству не известно», — сказал он.

¹⁰ См. подробнее: Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975. С. 21.

¹¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 395–396.

- ¹² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). The Conference at Quebec, 1944. Wash., 1972. P. 91–93, 467, 487.
- ¹³ FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 400.
- ¹⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 4. М., 1984. С. 169–170.
- ¹⁵ В это время в Сан-Франциско проходила конференция по созданию Организации Объединенных Наций. Однако совещание проходило вне ее рамок. В нем приняли участие от СССР В. М. Молотов, посол СССР в США А. А. Громыко, работники НКВД СССР С. А. Голунский, Б. Ф. Подцероб и В. Н. Павлов; от США госсекретарь Э. Стеттиниус, С. Розенман, Ч. Болен, Дж. Данн, Юст, Дж. Макклой и др.; от Великобритании — А. Иден, А. Кадоган, Малкин и Тикстон. (АВП РФ, Ф. 06. Оп. 7. П. 20. Д. 209. Л. 1–5).
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 20. Д. 209. Л. 60–61; Дипломатический вестник. 1995. № 5. С. 74.
- ¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7021. Оп. 116. Д. 337. Л. 32.
- ¹⁸ Smith B. F. The American Road to Nuremberg: the Documentary Record. 1944–1945. Stanford (Cal.), 1982. P. 33–37.
- ¹⁹ Письмо Э. Ротштейна к Н. С. Лебедевой. Архив автора.
- ²⁰ См. подробнее: Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса. С. 82–140.
- ²¹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 182–183.
- ²² АВП РФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Д. 3. Л. 121–123.
- ²³ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании 17 июля — 2 августа 1945 г. Сб. документов. М., 1980. С. 492. В проекте, представленном В. М. Молотовым на заседании министров иностранных дел трех держав, предлагалось назвать в качестве примера имена таких главных нацистских преступников, как Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Кейтель, Лей, Дениц, Кальтенбруннер, Фрик, Штрейхер, Крупп. Характерно, что из первоначального проекта Молотов вычеркнул имена Папена, Ганса Франка и Шахта и вставил Деница (АВП РФ. Ф. 0639. Оп. 3. П. 12. Д. 12. Л. 1–5.). Но поскольку англичане и американцы категорически возражали против упоминания конкретных лиц, Сталин предложил включить в английский проект, взятый за основу, положение о том, что первый список обвиняемых будет опубликован до 1 сентября.
- ²⁴ Роберт Лей покончил с собой в тюрьме 25 октября 1945 г.
- ²⁵ Первым распоряжением Совнаркома от 22 августа 1945 г. за № 12554/р штат советского представителя в МВТ устанавливался всего 9 человек, что естественно, было недостаточным в условиях ведения процесса на 4-х языках. Только для организации синхронного перевода требовались от каждой стороны 6 квалифицированных переводчика, 6 стенографистов и т. д. 12 сентября Никитченко обратился к Вышинскому с просьбой увеличить штат на 25 человек. Соответствующее распоряжение СНК за № 14812/р было принято 10 октября 1945 г. (АВП РФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Д. 4. Л. 4, 4 об., 14). Как выяснилось впоследствии, и это количество сотрудников оказалось недостаточным.
- ²⁶ Заместителем члена Трибунала от СССР был назначен Александр Федорович Волчков. Член Трибунала от США Фрэнсис Биддл и его заместитель Дж. Паркер были назначены Г. Трумэнном 12 сентября, член МВТ от Великобритании Джеффри Лоуренс и его заместитель Норман Биркетт — английским правительством 28 сентября, Временное правительство Франции — соответственно профессора Донежье Де Вабра и Робера Фалько.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1053. Л. 52.
- ²⁸ Там же. Д. 1054. Л. 15, 28–29. 6 ноября А. А. Соболев передал, что в сентябре по указанию Вышинского они просили Американскую информационную службу предоставить советским журналистам 25 мест в зале суда, но в конце ноября выяснилось, что им потребуется в два раза больше. Американцы согласились увеличить квоту на 10 человек в зале суда и предоставить помещения и питание для 60 человек, которые могли бы меняться во Дворце юстиции. По сведениям Соболева, места в зале распределялись так: 75 мест американцам, 50 англичанам, 40 французам и 35 — советским журналистам. Предлагалось настаивать на предоставлении СССР 50 мест. (АВП РФ. Ф. 082. Оп. 32. П. 178. Д. 1. Л. 100–101).
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 55–56.
- ³⁰ Там же. Л. 60.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Д. 8. Л. 46.
- ³² К моменту подписания обвинительного заключения советские обвинители располагали 70 документами, в момент предъявления доказательств советской стороной — 443. В их число входили также документы, полученные от американских, английских обвинителей, от правительств Польши, Чехословакии, Югославии (ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 404. Л. 7–10).

³³ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 32. П. 178. Д. 1. Л. 172–177. 6 декабря Вышинский передал Керру меморандум. В нем, в частности, указывалось, что советское правительство полагает, что «следует пойти навстречу пожеланиям правительств Польши, Чехословакии и Югославии и других заинтересованных стран, разрешив их представителям выступить на Нюрнбергском процессе». В ходе беседы Керр поинтересовался, дружно ли работают обвинители. Вышинский ответил утвердительно.

³⁴ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 28–29.

³⁵ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 32. П. 178. Д. 1. Л. 141; Ф. 7445. Оп. 2. Д. 404. Л. 24.

³⁶ Там же. Л. 55–56.

³⁷ 16 ноября Ю. В. Покровский телеграфировал в Москву Р. А. Руденко: «На вопрос обвинителей о дате Вашего приезда я высказал предположение о Вашем заболевании, поскольку еще до отъезда отсюда у Вас наблюдались признаки малярии... Прошу сообщить, позволит ли состояние Вашего здоровья быть в Нюрнберге двадцатого или врачи потребуют задержаться в Москве на несколько дней» (ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 404. Л. 32–34). 17 ноября Покровский направил Комитету обвинителей следующую записку: «Мною только что получено сообщение о том, что мое предложение, высказанное вчера во время заседания о болезни главного обвинителя от Союза ССР генерал-лейтенанта Руденко, к сожалению, оказалось правильным. Состояние здоровья генерала не является столь неудовлетворительным, чтобы вызвать основание для замены его кем-либо другим в предстоящем процессе, но вместе с тем врачи считают невозможным его прибытие в Нюрнберг раньше, чем через полторы-две недели. ... Ни один из его помощников не уполномочен представлять СССР в качестве Главного обвинителя в процессе. В связи с этим прошу Комитет обвинителей доложить Трибуналу о невозможности начать процесс 20 ноября 1945 г. по мотиву этого совершенно непредвиденного обстоятельства и о необходимости отложить его до выздоровления Главного обвинителя от СССР». (Там же. Д. 6. Л. 225). Однако Джексон заявил, что американский народ и американское правительство будут крайне отрицательно реагировать на отложение процесса по такому поводу. «Любое отложение процесса будет рассматриваться как неумение справиться с процессом со стороны обвинителей и суда», — указал он. Англичанин же сказал, что он согласен молчать на заседании МВТ, если Советский Союз возьмет вину за отсрочку процесса на себя. Лишь француз указал, что, если советский представитель не будет участвовать на процессе с самого начала, то делегация его страны также не сможет принять участие на открытии процесса (АВП РФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Д. 8. Л. 75–76).

³⁸ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 59.

³⁹ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Л. 57.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 160.

⁴¹ Там же. С. 160–161.

⁴² ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 11–13, 31–35, 39–42

⁴³ Там же. Л. 45–46.

⁴⁴ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 358.

⁴⁵ Там же. С. 358–359.

⁴⁶ Там же. С. 390–392.

⁴⁷ Там же. С. 454.

⁴⁸ Там же с. 572.

⁴⁹ 26 ноября на заседание Комиссии в Нюрнберге, проходившем под председательством Вышинского, было решено существенно переработать речь Руденко, которая была рассчитана на два часа, тогда как главные обвинители от других стран намеревались выступить в течение четырех–восьми часов. Подбор материалов и дополнение текста речи были поручены Маньковскому, Трайнину (раздел «Идеология»), Кузьмину, Грибанову и Шейнину (Агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии), Вышинскому, Горшенину и Руденко («Агрессия против СССР»), Кареву и Рагинскому («Военные преступления и преступления против человечности») (ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 43–44).

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 38. Л. 1–2.

⁵¹ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 573, 636.

⁵² См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 1–6. М., 1987–1999.

⁵³ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 404. Л. 72.

⁵⁴ Там же. Д. 391. Л. 57–58

⁵⁵ Там же. Л. 43–47. К протоколу Комиссии прилагался перечень вопросов, составленный Вышинским: «1. Отношение к Версальскому миру; 2. Советско-германский пакт о ненападении 1939 г. и все вопросы, имеющие к нему какое-либо отношение; 3. Посещение Молотовым Берлина, посещение Риббентропом Москвы; 4. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР; 5. Советские прибалтийские республики; 6. Совет-

ско-германские соглашения об обмене немецкого населения Литвы, Латвии и Эстонии с Германией; 7. Внешняя политика Советского Союза и, в частности, вопросы о проливах, о якобы территориальных притязаниях СССР; 8. Балканский вопрос; 9. Советско-польские отношения (вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии).

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 12–17.

⁵⁷ Там же. Л. 28–30.

⁵⁸ Там же. Д. 8. Л. 47–48.

⁵⁹ Там же. Д. 404. Л. 72–73.

⁶⁰ Там же. Д. 6. Л. 251, 265, 266.

⁶¹ Там же. Д. 404. Л. 78–84; Д. 8. Л. 121–122; Д. 6. Л. 5.

⁶² См. подробнее: Лебедева Н. С. *Катынь: преступление против человечества*. М., 1994; *Катынь 1940–2000. Документы*. Отв. составитель Н. С. Лебедева. М., 2001.

⁶³ Полторак А. И. *Нюрнбергский эпилог*. М., 1983. С. 91.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 8. Л. 177–178.

⁶⁵ См. подробнее: Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса. С. 122–133. Представитель Франции на Лондонской конференции А. Гро 19 июля 1945 г., в частности, заявил: «Там, где развязывается агрессивная война и в этой войне не руководствуются законами международного права, следует наказать ответственных за это как преступников, но одно лишь развязывание агрессивной войны не преступление». Особенно возразил Гро против того, что в соответствии с существующим международным правом можно наказывать отдельных лиц за развязывание агрессивной войны. Представитель же Великобритании на конференции Д. Максвелл-Файф, в отличие от А. Гро, считал, что агрессия — международное преступление, и лица, ответственные за ее подготовку и ведение, совершают преступление. Однако он был согласен с представителем Франции в том, что пока отсутствуют санкции против этого преступления, что создает известные трудности для трибунала. Советские же и американские юристы доказывали, что в 1939 г. агрессия уже рассматривалась международным правом как преступление, и отсутствие конкретных санкций за нее ничего не меняет: ведь за нарушение законов и обычаев войны также не устанавливалось конкретного наказания или санкций, хотя Женевские конвенции 1929 г. предусматривали в принципе уголовную наказуемость этих преступлений.

⁶⁶ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 8. М., 1987. С. 605–610.

⁶⁷ Hyde Y. M. Norman Birkett: *The Life of Lord Birkett of Ulverston*. L., 1964. P. 494–531.

⁶⁸ Архив автора. Ксерокопии записей Ф. Биддла. Л. 1, 4, 6, 8–11, 17–18. Выступая 15 августа, И. Т. Никитченко, в частности, подчеркнул: «Группа лидеров должна нести ответственность не только за свои собственные действия, но и за все действия, совершенные государством. В ином случае мы можем сбиться с пути. (Мне не ясно, что он имеет в виду /замечает Ф. Биддл — *Н. Л. Л.*) Заговор. Мы практики, а не дискуссионный клуб. Принцип фюрера — это не довод для защиты: он не находится в противоречии с заговором. В любой преступной группе имеется лидер. Молчаливое согласие — это тоже самое, что и открытая поддержка. Эта идея явно просматривается во всей теории обвинения. Никогда нет равенства в заговоре. В соответствии с Уставом, предусматривается заговор и для военных преступлений и для преступлений против человечности. Никакого противоречия нет в этом пункте между Уставом и обвинительным заключением. Этот заговор является самостоятельным преступлением. Повторяю снова и снова: вы не можете относиться к нему абстрактно. Если мы отвергнем заговор, мы не сможем привлечь к ответственности каждого, кто несет ответственность за действия других. Возьмем Фриче. Выступления по радио не являются преступлениями. Но в качестве участника заговора он является виновным в других преступлениях. В этом отличие между планированием и заговором».

⁶⁹ Архив автора. Записи Ф. Биддла. С. 1–2.

⁷⁰ Там же. Л. 2–3, 10, 13–15.

⁷¹ Там же. Л. 29–30.

⁷² Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 1. М., 1987. С. 148.

⁷³ Записи Ф. Биддла. Л. 18. Н. Биркетт подчеркнул, что раздел первый является базовым для всего обвинительного заключения. Важность процесса заключается именно в том, чтобы показать — война проистекла из общего плана. Если раздел первый будет отвергнут, все значение процесса будет утрачено. Его цель показать, что война не свалилась с ясного неба, но тщательно планировалась. Имелся план. Он мог существовать в 1920 г., или в 1933 г. и уж абсолютно точно в 1937 г.

⁷⁴ Записи Ф. Биддла. Л. 19–20.

⁷⁵ В приговоре указывалось, что в разделе I обвинительного заключения подсудимым инкриминировался общий план или заговор, в разделе II — планирование и ведение войны. «Одни и те же доказательства представлялись для обоснования обвинения, содержащегося в обоих разделах. Поэтому мы будем рассматривать оба раздела вместе, поскольку они по своему существу одинаковы». (Нюрнбергский процесс. Т. 8. С. 610).

⁷⁶ В разделе «Правовое обоснование, применимое в отношении общего плана или заговора» Приговора указывалось: «Фактически обвинение утверждает, что всякое значительное участие в деятельности нацистской

партии и правительства является доказательством участия в заговоре, которое по существу своему является преступным. Понятие заговора никак не определяется в Уставе. Но, по мнению Трибунала, заговор должен иметь совершенно точно определенную преступную цель. Он не должен быть слишком отдален от времени решения и действия. Для того чтобы быть преступным, планирование должно не просто покоиться на декларациях партийной программы[...] или политических утверждениях, высказанных в «Майн Кампф» в более поздние годы. Трибунал должен выяснить, существовал ли конкретный план ведения войны, и определить участников этого конкретного плана». Указывалось, что «нет необходимости решать вопрос о том, было ли установлено доказательствами наличие единого общего заговора между подсудимыми[...]. Тот факт, что планы для ведения войны составлялись уже 5 ноября 1937 г., а возможно и в более ранний период, совершенно очевиден. После этого такого рода приготовления продолжали проводиться во многих сферах и были направлены против мира многих стран. Действительно, угроза войны — и если необходимо, сама война — являлась неотъемлемой частью нацистской политики» (Нюрнбергский процесс. Т. 8. С. 611).

⁷⁷ В приговоре указывалось, что раздел I обвинительного заключения вменяет в вину подсудимым и заговор для совершения военных преступлений и преступлений против человечности. «Но Устав не определяет заговор как отдельное преступление, если он не связан с актом ведения агрессивной войны». При этом имелось в виду, что в пункте «а» ст. 6 «Преступления против мира» наряду с планированием, подготовкой, развязыванием или ведением агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений» прямо называлось и «участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий». В пунктах же «в» (военные преступления) и «с» (преступление против человечности) участие в общем плане или заговоре не оговаривалось. Тем не менее, к этим пунктам прямо относился заключительный абзац ст. 6 об ответственности руководителей, организаторов, подстрекателей и пособников, участвовавших в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеуказанных преступлений (то есть преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности) за все действия, совершенные любыми лицами, с целью осуществления такого плана. (Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 148). Однако Трибунал посчитал, что слова этого абзаца «не добавляют нового и отдельного преступления к преступлениям, уже поименованным. Их назначением является установление ответственности отдельных лиц, участвовавших в общем плане. Поэтому Трибунал не будет рассматривать обвинение подсудимых по разделу 1, заключающееся в том, что они принимали участие в заговорщической деятельности для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, а будет рассматривать лишь общий план для подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны». (Нюрнбергский процесс. Т. 8. С. 612).

⁷⁸ Нюрнбергский процесс. Указ. соч. Т. 8. С. 602, 621, 633.

⁷⁹ См. подробнее: Советский Союз и Организация Объединенных Наций (1961–1965 гг.). М., 1968. С. 285–289.

⁸⁰ Записи Ф. Биддла. Л. 38.

⁸¹ Тем не менее, в отношении Кальтенбруннера, Зейсс-Инкварта, Заукеля и Франка предлагалось настаивать на обвинении их не только по III и IV разделам, но и по I и II. Применительно к Штрейхеру предлагалось согласиться с его обвинением только по IV разделу, но преподнести это согласие как такую уступку, за которую партнеры должны уступить советской стороне по другим подсудимым (в частности, Шахту) (СССР и германский вопрос. Т. 2. С. 704–705).

⁸² СССР и германский вопрос. Т. 2. С. 706–707.

⁸³ Там же. С. 707.

⁸⁴ Нюрнбергский процесс. Т. 8. С. 722–740. 3 октября зам. министра иностранных дел В. Деканозов писал А. Я. Вышинскому: «Сообщая о приговоре, вынесенном в Нюрнберге, советская печать привела также заявление Лоуренса об особом мнении о приговоре члена Трибунала от СССР Никитченко. Александров из ЦК (начальник Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП (б). — Н. Л.) просит сообщить, следует ли опубликовать, не ожидая соответствующего официального сообщения самого Трибунала, текст особого мнения тов. Никитченко или следует пока ограничиться уже опубликованным кратким заявлением Лоуренса. Просьба согласовать с Молотовым и дать ответ. Деканозов». На письме резолюция Вышинского: «Следует опубликовать особое мнение т. Никитченко теперь же. С Молотовым согласовать не удалось ввиду его отъезда. 4. X.» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 410. Л. 161–162).

⁸⁵ СССР и германский вопрос. Т. 2. С. 712–713.

⁸⁶ Правда. 2. X. 1946.

⁸⁷ Taylor T. Final Report to the Secretary of the Army on Nuremberg War Crime Trials Under Control Council. Washington, 1949. P. 282.

⁸⁸ Report of R. H. Jackson United States Representative to the International Conference on Military Trials. London 1945, Department of State Publication 3080. New York, 1949. P. 435–436.

⁸⁹ Нюрнбергский процесс. Т. 8. С. 577, 605–610.

⁹⁰ Там же. С. 608.

⁹¹ Там же. С. 609.